

МАРКС ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

[Статья Г.Г. Водолазова с пометками В. Архангельского от 3 мая 2022г. (зеленым выделены важнейшие, с точки зрения Архангельского, места, желтым – спорные, а синим – текст комментариев Архангельского)]

Статья посвящена раскрытию действительного содержания идей Маркса и их продолжению и развитию в работах российских марксистов (Ленина, Ильенкова, «шестидесятников», демократических социалистов эпохи перестройки, «критических марксистов 21 века). Показывается значение этих идей для выработки стратегии современных левых сил.

«Верной дорогой идёте, товарищи!»

Я хорошо помню рождение этого замечательного лозунга.

К нам, в «Известия», прислали проект плаката, где Владимир Ильич, в своей знаменитой кепчонке, в приветствии подняв руку, должен что-то сказать нынешним руководителям партии и правительства. Что?

Известинцев, которые были знамениты умением придумывать нестандартные заголовки, попросили сочинить фразу, с которой вождь Октября и основатель Советского государства должен-де обратиться к Н.С. Хрущёву, Л.И. Брежневу, М.А. Суслову... Победил в соревновании известинцев Валентин Семёнович Китаин. Именно он придумал эту фразу: «Верной дорогой идёте, товарищи!».

В ЦК её одобрили (да и как не одобрить такую оценку своей деятельности от самого Ильича!). Валентин Семёнович получил обещанный гонорар – 300 рублей, немалые по тем временам деньги (близко к месячной зарплате профессора!). Но гордился Валентин Семёнович не столько гонораром, сколько тем, что Ильич (сам Ильич!) говорил его, Китаина,

словами. И плакат с этим текстом Китаина-Ильича многотысячными тиражами пошёл гулять по стране...

Правда, кое-кому из коллег Китаина показалась придуманная им фраза недостаточно точной, а главное — недостаточно полной. Они предложили дополнить её только одним словом: «Верной дорогой идёте, товарищи, ... к катастрофе!». Правда, послать этот вариант наверх не рискнули: можно было получить «гонорар» от Лубянки — в виде нескольких лет лишения свободы.

Но сегодня-то, в 21 веке, совершенно ясно, что именно этот, второй, вариант ильичёвой фразы наиболее точно отражал реальность. Катастрофа не заставила себя долго ждать: к началу 90-х развалился Советский Союз, и мыльный пузырь сталинско-брежневского социализма лопнул.

А, между тем, катастрофы можно было избежать. Если бы руководство партии (и подвластный ему народ) всерьёз отнеслись бы к словам Юрия Владимировича Андропова (генсека, между прочим, ЦК), сказавшего в одной из своих (конечно же, «исторических») речей начала 80-х годов: «Мы плохо знаем общество, в котором живём».

Правда, истины ради, замечу, что Юрий Владимирович лишь *озвучил* эти слова. А написал их и просунул ему в речь один из либеральных интеллигентов той поры (стряпавший доклады высшему руководству) Фёдор Бурлацкий. Андропов проморгал заключённую в этих словах крамолу — подвёл притупившийся с годами чекистский нюх.

Но всё! Птичка вылетела — пойдя теперь поймай её. И никакими топорами теперь уже ту крамольную фразу из текста не вырубешь. И пошли статьи приунывших было при Андропове демократов-шестидесятников: да, да, верно — мы, действительно, плохо знаем общество, в котором живём,

никуда не годятся его описания в, прежде бесспорных, кратких и не кратких курсах истории партии.

А с приходом Перестройки и Михаила Сергеевича Горбачёва такие статьи уже валом валили. Апофеозом этой работы стала книга 1988 года (которую можно назвать «Манифестом демократического, гуманного социализма») – книга «Иного не дано». С поистине программными статьями шестидесяти известных шестидесятников – Андрея Дмитриевича Сахарова, Татьяны Ивановны Заславской, Михаила Яковлевича Гефтера, Юрия Николаевича Афанасьева, Юрия Григорьевича Буртина, Игоря Ивановича Виноградова (среди них – и автора этих строк)... Там была вся программа спасения: надо разрушить экономическую и политическую систему партийно-бюрократической диктатуры (выдаваемой за «социализм»). А на её место должна придти система современного социализма, сочетающая в себе лучшие демократически-социалистические и демократически – либеральные ценности, система «конвергентного» социализма, в которой совмещались бы, дополняя и обогащая друг друга, общественная, государственная, кооперативная и частная формы собственности, плановая и рыночная экономики.

[Социализм и в Африке социализм. Социализм есть социализм (в суть, в социальную диалектическую природу которого, впрочем, ученые обществоведы до сих пор так и не проникли, а будучи всё еще контуженными сталинским видением «марксизма-ленинизма» свершить это либо страшатся, либо просто не в состоянии). Принимая во внимание, что стопроцентно чистых дистиллятов рабовладельчества, капитализма, социализма нигде и никогда при нормальном течении исторического процесса в реальной истории не было (таковые как объективная реальность могут быть созданы лишь бессмысленными

прокрустовыми методами), «конвергентный социализм» не есть социализм, а есть смешанное двухукладное в своей основе общество, общество социализма-капитализма.

Что касается совмещения плана и рынка, то они совместимы и в условиях «чистого» (теоретического) капитализма, и в условиях идеального социализма точно так же, как не исключают друг друга, например, круглое и зеленое.—
Комментарий В.Архангельского.]

Нужны будут и коренные *политические* преобразования: отмена 6-й статьи Конституции, закреплявшей однопартийное господство КПСС, создание многопартийной системы, введение реального разделения властей, где высший законодательный орган (Верховный Совет) избирался бы гражданами на основе многопартийности (а не составлялся бы в отделах ЦК), обеспечение свободы слова, печати, собраний, митингов, деятельности оппозиции. Ну и так далее – в общем, программа современного (гуманного, демократического) социализма. Бери эту программу и воплощай в жизнь, переходя с прежней «верной дороги к катастрофе» на новую дорогу, позволяющую эту катастрофу избежать.

Но возглавляемые М.С. Горбачёвым и А.Н. Яковлевым «архитекторы» и «прорабы» перестройки, вышедшие из прежней системы и привыкшие идти той самой «верной дорогой», не приняли этой программы. Они до последнего старались держаться за 6-ю статью и ряд других прелестей казарменного социализма.

Авторы «Иного не дано» оказались между молотом старого, бюрократического социализма и наковальней нарождающегося криминально-олигархического капитализма. Не успели (а точнее – не сумели) создать

родственную политическую силу и авторитетную политическую партию. Опоздали!

И государственно-бюрократический социализм в начале 90-х смела волна не демократического социализма, а криминально-олигархического капитала, установившего социально-политический строй, которому трудно найти название из традиционного социально-политического лексикона.

В двухтысячные, правда, «криминальность» системы слегка поубавилась: криминал или ушёл в глубокое подполье или обрёл имидж легальной государственности. Но, тем не менее, характер этого строя таков, противоречия его столь кричащие, что в пору сегодня воспроизвести тот старый лозунг: «Верной дорогой идёте, товарищи, ... к катастрофе!».

Но ещё не поздно. Ещё не вечер! И грозящую катастрофу ещё можно предотвратить. Только надо (вспомним Андропова-Бурлацкого!) хорошо понять общество, в котором мы живём, логику его функционирования. Понять, куда нам плыть, чтобы не наткнуться, подобно «Титанику», на губительные рифы.

Вот тут на помощь и могут придти идеи человека, 200-летие со дня рождения которого исполняется в этом году.

Вы хотите понять общество, в котором живём? – **Начните с Маркса!** Вы хотите определить направление пути, по которому есть смысл двигаться нашему обществу в более или менее приличное будущее? – **Начните с Маркса!**

Почему с Маркса?

Потому что всегда надо начинать с Начала. А Начало нашего современного общества – это Октябрь 17 года. С этого оно началось, с этого рубежа начался его крутой маршрут. А

Октябрь, как хорошо известно, прошёл под аккомпанемент идей Маркса (правильно или неправильно понятых – это другой вопрос, и разговор о том впереди). Это, *во-первых*. А, *во-вторых*. Не только Россия, но весь 20-й век *мирового* развития прошёл под сильнейшим влиянием теории Маркса. И, наконец, *в-третьих*. В политической науке есть масса течений, направлений, школ – либеральных, консервативных, социал-демократических, социалистических... Они часто и остро, иногда даже с определённой долей враждебности, спорят между собой, возвышают учителей, классиков своих школ, и ниспровергают кумиров школ-соперников.

Но есть один политический мыслитель, пользующийся абсолютным признанием всех по-настоящему серьёзных учёных. Мыслитель, которого и его последователи, и его критики в один голос называют *гением*. Имя этого мыслителя - Карл Маркс.

(Струве: Марксу *гениально* схватил тот антагонизм между интересом рода и интересом индивида, который обнаруживается в фактическом и социальном развитии»;

Бердяев: «Маркса я считаю гениальным человеком»;

Шумпетер: Маркс - *пророк*, социолог, экономист и учитель;

Хосе Ортега-и-Гассет: «Я страстно с ним (марксизмом) сражался, но это как раз свидетельствует о том, как я *высоко* его ценю»;

Ясперс: Теория Маркса и Энгельса имеет «эпохальное значение»;

Хайдеггер: «марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории»;

Хабермас: «Карла Маркса недаром считают одним из величайших мыслителей всех времен. Он и только он из

всех кто пытался, сумел предвидеть будущее. Его предсказания были настолько точными, что люди, ими руководствующиеся, сумели изменить будущее»;

Энгельс: «Маркс... превосходит всех нас своей гениальностью»

Что же обеспечило Марксу подобную славу?

Маркс – «конденсатор прошлого» и «катализатор будущего». Он – единственный в истории гуманитарного знания мыслитель, в котором с такой полнотой сконцентрировались, сфокусировались все мировые достижения, идеи, концепции, открытия прошлых эпох. Особенно – в таких областях знания, как философия, политическая экономия, политическая теория.

Марксизм – это, можно сказать, конденсатор (накопитель) всего предшествующего гуманитарного знания, фокус, в который стягиваются все наивысшие достижения человечества в сфере социального творчества. И достижения эти, переработанные и обогащённые Марксом, вываренные в его интеллектуальном «котле» и выброшенные затем в социально-политическую науку дали такой мощный толчок развитию как политической теории, так социальной практики, что под аккомпанемент идей Маркса шло развитие всех общественных наук и социальной практики последних двух столетий.

Вот почему, если прибегнуть к фигурам образной речи, Маркса можно назвать всеобъемлющим *конденсатором* прошлого и могучим катализатором будущего. И поэтому уточним ту формулу насчёт «современности» Маркса: «Маркс – это наше Прошлое, это наша Современность и это, в значительной степени – наше Будущее».

Как читать Маркса?

Итак: начинайте с Маркса! Правда, это чересчур общая рекомендация, и поэтому непросто реализовать её. Ведь надо прежде узнать – а где, собственно, этот Маркс находится, и с каких его произведений следует «начинать». Дороги к Марксу путаны-перепутаны различными комментаторами – и его неумными «прославителями», и его ещё менее умными «критиками». О Марксе, говоря языком одного стихотворца, «наговорено столько, набормотано столько, что поди разберись».

Особенно много было набормотано о нём в эпоху так называемого «реального социализма». Тут хорошо постаралась вся «королевская рать» официального «марксизма-ленинизма» (который под их перьями был не марксизмом и не ленинизмом). Надёрганными из Маркса цитатами и бессовестно искажёнными фактами социального бытия они старались доказать, что то, что мы имели во времена сталинизма, это не что иное, как полная и адекватная реализация идей Маркса.

С их *марксизма*, с их Маркса начинать нельзя. Постарайтесь избежать даже лёгкого соприкосновения с этой идеологической отравой.

Не «начинайте» и с нынешних воинствующих антимарксистов. Эти ещё менее поняли в содержании идей марксизма, чем официальные «марксисты-ленинцы». Эти совсем собьют вас с толку. Они, замечу, полностью согласны с утверждением сталинско-брежневских идеологов, что существовавший в Советском Союзе строй – это и есть реализованный марксизм. Только, в отличие от сталинских идеологических соколов, прославлявших этот строй, они его клянут. И вместе с ним клянут «породившую» его идеологию – марксизм.

Начинайте прямо с Маркса, с самого Маркса.

Но, в свете поставленной нами цели, читать Маркса надо по-особому. Задача: не просто понять и пересказать систему его идей (мы же не к экзамену по истории политической мысли готовимся!), а – понять, **как и чем Маркс может помочь нам ответить на проблемы, противоречия и вызовы, с которыми сталкивается современное российское общество.** Именно здесь, в этом качестве Маркс способен быть нашим Современником.

Но доминирующая в современном политико-теоретическом пространстве позиция (характерная для идеологов либерального и полулиберального толка) не признаёт за Марксом этой возможности – быть нашим Современником. Для них Маркс – это рассказ об эпохе, оставшейся в далёком прошлом. Для понимания же *современных* российских проблем Маркс бесполезен. Он не актуален.

Не актуален Маркс ещё и потому, что, по мнению воинствующей либеральной публики, в своих важнейших предсказаниях и прогнозах он ошибся: где предсказанный им крах капитализма, где социалистические революции в развитых капиталистических странах, где там революционный рабочий класс, где предсказанное им прогрессирующее «обнищание» пролетариата?

Такая (либеральная) позиция – следствие не только социального инстинкта пробуржуазных сил, но и абсолютного непонимания смысла марксовой теории, её места в истории развивающейся социальной мысли.

Приступая к изучению «Капитала», следует иметь в виду такие его особенности: Это - теория, анализирующая социальное бытие **Запада** (см. его письмо Вере Засулич: ««историческая неизбежность» *этого* (капиталистического – Г.В.) процесса *точно* ограничена *странами Западной*

Европы»[1]. Причём – не **конкретную** ситуацию Западного мира 19 столетия, а его абстрактную «клеточку». «Капитал» – это **АБСТРАКЦИЯ**. Да, созданная на основе всестороннего изучения Западной **конкретики**, Англии, в первую очередь (абстракция, **извлечённая** из этой конкретики). Но это, повторяю, **АБСТРАКЦИЯ**. Это, если угодно, Геометрия социального бытия. (Как в евклидовой геометрии исследуются не свойства, скажем, квадратной площади Афинской Агоры – которая в реальности не совсем «плоскость» и не совсем «квадрат», а свойства «квадрата» вообще). «Капитал» – это не описание английской (французской) экономики; берётся абстракция «товара» (клеточки капиталистической экономической системы), его противоречия и рассматривается движение, обуславливаемое этими противоречиями – это абстрактные, «евклидовские», построения. И далее – как движутся теоремы Евклида, так, в своей абстрактности, движется, политэкономическая «Геометрия» Маркса. И это движение приводит к выводу (что и составляет основу марксистской «традиции»), что капитализм (общество частной собственности и рыночной экономики) должно смениться социализмом-коммунизмом, обществом общественной собственности и планового производства), что в этом абстрактном «капиталистическом» мире существует закон обнищания пролетариата, который, среди многого другого, порождает стремление пролетариев к ликвидации этого «эксплуататорского» строя, и это стремление получает реализацию в виде «революции».

Это, повторяю, не описание конкретной реальности западного мира, а всего лишь абстракция, движимая противоречиями товара и других категорий. Она совершенно необходима, как **НАЧАЛО** исследования **конкретики** во **всём** её **многообразии**, как

исходный пункт восхождения от абстрактного к конкретному. А в дальнейшем движении теории к конкретике – много интересного. Так, например, закон обнищания выступает, как НЕИСКОРЕНИМАЯ тенденция капитализма (никакой «ошибки» у Маркса тут нет!), но она может смягчаться воздействием других законов и тенденций – например, классовой борьбой пролетариата (Маркс однажды написал, что то, что чартисты добились законодательного введения 10-часового рабочего дня, это была первая победа политэкономии труда над политэкономией капитала), или – приходящим к буржуазии пониманием, что для неё выгоднее где-то и в чём-то отступить (дабы не потерять основное)...

И то же – о движении категорий «Капитала», подводящем к идее социализма. Это в общем, абстрактном, виде – непреодолимый вывод. Так, в принципе, и будет, это – будущее человечества. Но в *конкретике* это движение (в разных странах и регионах) приобретает сложную специфическую форму, которую должны отразить люди, живущие в этих странах-регионах. Так, Россия в 20 веке (страна крестьянская, с низким уровнем развития капитализма и доминированием общинного хозяйства) искала (в лице своих выдающихся теоретиков) пути движения к социализму (что диктовалось абстрактной традицией Маркса), но - через цепочки сложных социальных и политических форм («буржуазно-демократическая революция без буржуазии, 1905 года», «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» - 1905 год, несоциалистическая (а скорее некая «народно-демократическая») программа Октября, «военный коммунизм» времён гражданской войны, «нэповский социализм» и т.д.). И на Западе – проявлялась и проявляется та же (описанная Марксом) тенденция

движения к «социализму», но по-своему – через обогащение либеральной теории социалистическими ценностями, через «революцию управляющих» (Кейнс, Рузвельт, Эрхард, Улоф Пальме, Гэлбрейт...), через классовое сотрудничество, социальное государство, через постиндустриализм и т.д., и т.п. Но всё это – в рамках описанной Марксом **неискоренимой** тенденции – **К СОЦИАЛИЗМУ**. Вот что значит – работать и мыслить в рамках «марксистской традиции».

С тех пор работа по раскрытию глубинных смыслов «Капитала» и связи его идей с последующей социальной историей значительно продвинулась. Громадную роль в этом сыграли российские ученики и последователи Маркса (это, в первую очередь, Ленин, а в 50–70-е такие теоретики, как Эвальд Ильенков, Михаил Лифшиц, Генрих Батищев, Лев Науменко, Вадим Межуев). Именно их усилиями всё более полно прояснялся смысл идей «Капитала», их усилиями протягивались теоретические нити, связывавшие идеи «Капитала» с современностью. И ученики эти не просто давали адекватную интерпретацию исходных идей марксизма, но, но развивали их применительно к новым историческим условиям, следуя знаменитому девизу Энгельса: «Развитие – есть способ существования марксизма».

[И не только теории обществознания, но и самого общества, самого социума. А фундаментальной причиной изменения, эволюции, развития (впрочем, и деградации тоже) является **раздвоение** всего не пребывающего в абсолютном покое **на свои противоположности**, на противоположности **взаимопроникающие друг в друга и взаимодействующие друг с другом.**

Другими словами, фундаментальная причина непокоя — диалектика. Борьба противоположностей. В обществе — социальных противоположностей. В классовом обществе — классовых противоположностей. Но наука, которая хотела бы чему-то научиться у Маркса, должна, наконец, повернуться лицом к задаче понять суть **раздвоения на социальные противоположности бесклассового общества**, к задаче вскрытия именно этих **неклассовых субъектов истории**.

Да, мы пустили по ветру тот социализм, что у нас был (в том числе и по причине незнания его внутренних социальных противоположностей), но мы непременно пустим по ветру и любой «демократический социализм» по той же причине. Но сегодня главное в другом. Если нормой, а не патологией являются многоукладные социальные системы, если живая поросль новых общественных отношений возникает в условиях существующих и сосуществует с ними, то теория классов и классовой борьбы есть зашоренный взгляд на современное общество и его понимание. Невозможно разобраться в клубке проблем нашего общества, не принимая во внимание всего комплекса сущностных социальных противоречий классовой и неклассовой природы между классовыми и неклассовыми противоположностями общества, их союзами и фронтами между ними. — *Комментарий В.Архангельского.*]

Маркс продолжается. Ленин против Ленина

Наибольший вклад в развитие марксистской теории был сделан В. И. Лениным. Мы не будем здесь распространяться о всех многообразных новациях Ленина. Укажем только на одну, но — кардинальную, новацию громадной важности. Сделать этот шаг в развитии марксистской теории было нелегко: ему сопротивлялась и теоретическая традиция

большевистской партии, постоянно подчёркивавшая безупречность идей Маркса, и упрощённо-социалистический менталитет основной массы послереволюционного народа России, и, что особенно важно подчеркнуть, идеи прежнего, дореволюционного Ленина. Но гений шёл против течения, ощущая глубинную логику всемирной истории. Завязывался (в 1921–1923 гг.) драматический теоретический узел, который можно было бы назвать: «Ленин против Ленина» – «Новый Ленин – эпохи НЭПа» против «Прежнего Ленина эпохи «Государства и революции» и военного коммунизма».

Впрочем, «против» – надо понимать диалектически: и как преодоление прежнего Ленина, и как его продолжение. В чём конкретно состояло это «преодоление» и в чём «продолжение»?

Вначале – о «преодолении». Центральной идеей здесь была установка Ленина (сформулированная, как это обычно было присуще Ленину, с жёсткой категорической прямоотой, не допускавшей двусмысленностей): «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм (выделение моё – Г.В.)» [Выделение не наблюдается. – *Комментарий В.Архангельского.*][2].

Содержание этой альтернативы было: идти ли Советской России по пути Нового, «коренным образом пересмотренного» социализма или по пути прежнего («дооктябрьского») социализма?

В чём их главное и принципиальное различие?

1. **«Прежний социализм»** (дооктябрьской эпохи) опирался на знаменитую формулу Маркса: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»[3]. Ленин: «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении

товарного хозяйства»[4]. «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты»[5] , работающей по жёсткому централизованному плану.

2. **«Новый социализм»**. Ленин только положил начало провозглашённому им «пересмотру», многие детали им ещё не были проработаны, но общее, главное направление было определено: **«Прежний»**: «уничтожение частной собственности. **«Новый»**: допущение разных форм собственности, сопряжение общественной и частной (их «конвергенция»).

«Прежний»: экономическая система будет «одной фабрикой», работающей по жёсткому централизованному плану. **«Новый»**: сочетание «фабрики», «плана» и рыночной стихии.

«Прежний»: «насилие – повивальная бабка истории»
«Новый»: переход от насилия (как доминирующего способа исторического действия), к ненасильственным, эволюционным, реформистским методам; от метода «революционной целесообразности к правовому государству. Главным, «категорическим» императивом **«нового социализма»** должно быть: **«Культура!»**. **Новый социализм – это Культурный, Гуманный, Демократический социализм!**

А в чём «продолжение»? Об этом тем более надо сказать, что сегодня этот ленинский «коренной пересмотр» нередко трактуют как «поражение» Ленина, как признание им его «провала»: шли на революцию со знаменем прежнего социализма, исповедуя «принципы Парижской Коммуны» и идеи «Государства и революции». И вот признают их несовершенство – «Провал»!

Это поразительное пустомыслие! «Провалом» называют взлёт ленинской теоретической мысли, выведшей теорию социализма на принципиально новый, соответствующий новой исторической эпохе, уровень. «Поражением» называют тот факт, что опыт Октябрьской революции и первых послеоктябрьских лет стал базой, фундаментом новой всемирно-исторической ступени теории, на которую просто было бы невозможно вступить, не пережив опыта Октября.

Октябрьская практика выявила не только сильные стороны исходного революционного проекта большевиков, но и его слабые стороны. Октябрьская практика и первые послеоктябрьские годы выявили (и только на практике, а не до неё, это и можно было выявить!), что прежний уровень теории оказывался недостаточным для эффективного продвижения к социальной (социалистической) цели.

И нужна была ленинская проницательность (можно сказать, ленинский гений), чтобы услышать, оценить и откликнуться на этот голос, на этот вызов практики – и начать «разбираться», поднимаясь с прежнего уровня теории на новый.

В этом узле альтернатив «Новый Ленин» против «Прежнего Ленина» победил (несмотря на сопротивление многих «старых большевиков» и значительной части мыслящих по-старому революционных масс) победил «Новый Ленин». Но победа эта оказалась, увы, недолговременной. «Новый социализм» (после смерти Ленина) потерпел поражение в рамках новой, возникшей в конце 20-х годов альтернативы, которую можно назвать «Сталин против Ленина (идеи которого старался защитить Бухарин)». Это было противоборство концепций сталинского руководства, абсолютизовавших **Насилие**, как приоритетное и

универсальное средство решения всех трудных социальных проблем.

Почему же победила сталинская «казарма»? Не только потому, что ушёл Ленин, а его продолжатели оказались слабыми политиками. Есть более серьёзные причины этого, коренящиеся в различии революционных социальных сил, победивших в Октябре 17 года.

Надо иметь в виду, что сам Октябрь – сложное, неоднозначное и внутренне противоречивое явление, содержащее в себе разные альтернативы и интенции. Две основные: одна – народнодемократическая, ставящая задачу удовлетворения материальных и духовных потребностей народа, создания системы народоправства, демократической власти трудящихся; другая – делающая акцент на насилии как способе решения всех проблем и толкающая общество к антидемократическому, тоталитарному режиму, государственно-бюрократическому строю.

И – две основные социальные силы, питавшие эти тенденции. Одна – политически и культурно развитые рабочие, типа, условно говоря, Ивана Бабушкина, Якова Дубровинского, Александра Шляпникова. И другая – Шариковы, Швондеры, герои платоновских повестей, ограниченные, малокультурные, примитивно мыслящие люди, понимающие «социализм», как казарму военно-коммунистического типа («казарменным коммунизмом» называл Маркс подобную систему взглядов). Незадолго до революции (в 1913 году) Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»[6]. В канун Октябрьской революции около 68% взрослого населения не умели читать

и писать, в деревне неграмотные составляли около 80%, а в национальных районах – 99,5%.

В революционных событиях 1917 года они, эти две революционные социальные силы, шли вместе, плечом к плечу. Они вместе боролись за изменение ситуации в стране, за улучшение жизни простых людей, угнетённых и униженных в романовской России. Но по-разному видели будущее и способы борьбы за него.

Собственно, после окончания гражданской войны, после победы над силами контрреволюции решался кардинальный вопрос дальнейшего социального развития страны: кто будет определять маршрут движения России – «Бабушкины» и «Шляпниковы» (поддерживаемые «Луначарскими») или невежественная и «злобная» масса Швондеров и Швандей (науськиваемая и поощряемая политиками, которые впоследствии составят сталинскую команду).

Количественный перевес был, увы, на стороне последних. Но была одна политическая фигура, которая в программных установках и реальной деятельности обеспечивала доминирование *культурных* революционных сил. Этой фигурой, в начале 20-х годов, был В.И. Ульянов (Ленин). Его, как он однажды выразился, «коренной» пересмотр взглядов на социализм, связанный с разработанной им Новой экономической политикой, его критика «леваков» (работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»), его последние статьи (называемые «политическим завещанием»), в центре которых НЭП, кооперация, культурная революция, наметили основные контуры будущего Культурного Социализма. «Культура» - стала всеопределяющим словом-паролем Нового Социализма. Но в 1924 году умер Ленин. И силы, влияние Культурного Социализма были катастрофически ослаблены. Сталинская

команда Швондеров брала постепенно всю полноту власти. Члены так называемой «ленинской гвардии» расстреливались в подвалах Лубянки или гибли за колючей проволокой Гулага. Ленинское политическое завещание было затоптано сворой получивших безраздельную власть казарменных псевдокоммунистических бюрократов. Вот такой драматический поворот получил процесс развития марксистской теории.

После Ленина

После Ленина Надежды на Культурный Социализм угасали. Сталинский «социализм» не был действительным социализмом, формацией, основанной на общественной собственности, социальном равенстве и народоправстве. Он был формацией, где собственностью реально владело и распоряжалось бюрократическое сословие. То была не общественная, а корпоративно-бюрократическая собственность. Там не было «свободного труда». Там не было народоправства, вся власть — и экономическая, и политическая — сосредотачивалась в руках бюрократического сословия; это была политическая диктатура бюрократии. Вообще эта формация была сложным образованием, со сложнейшим переплетением мотивов деятельности различных социальных сил, с многовекторным историческим движением. Были там — особенно в сфере культуры и в сфере массового, «низового» политического сознания — и черты подлинно социалистической деятельности, питавшиеся импульсами, порожденными стихией массового освободительного движения в Октябре 17 года. Но **дирижерская палочка**, направлявшая и определявшая всю деятельность социального «оркестра» была в руках класса бюрократии. Она, эта бюрократия (по-другому — «номенклатура») определяла общее лицо системы и логику ее движения.

Любопытно, что, уже на ранних стадиях функционирования этой псевдосоциалистической, бюрократической системы (с конца 20-х годов!), как было подмечено Юрием Лариным (известным экономистом и политиком той поры, хорошо знакомым изнутри с логикой той системы), бюрократическое сословие (прикрываясь цитатами из Маркса о социальном равенстве) потянулось к богатству и обогащению – через разветвлённую систему привилегий. А к середине 30-х годов эта тенденция уже становилась всё более преобладающим мотивом деятельности значительной части правящей бюрократии. *«Шло освобождение мещанина в большевике»* – удачно констатировал Троцкий. Об этом же, о процессе «освобождения мещанина в большевике», повествовал Маяковский – в «Клопе» и «Бане».

А уж 1970-е годы, годы «брежневизма», были годами полного разложения государственно-бюрократической формации, годами исчерпания ею всякого исторически прогрессивного содержания, и одновременно – «золотым веком» для номенклатуры, приступившей (пока под покровом партийных лозунгов и идеологического трепа о том, что у нас «всё – для человека») к скрытному массовому «первоначальному накоплению» богатств в своих руках (в прочном, добавим, союзе с теневой, околопартийной экономикой, опорными точками которой были «Управления делами» различных партийных и государственных органов). И постепенно, потихоньку-полегоньку нацеливалось на то, чтобы превратить корпоративно-бюрократическую собственность в частно-бюрократическую, на то, чтобы приватизировать блага и привилегии, привязанные к их бюрократическим креслам. Отвязать бы их от этих кресел и привязать к себе, лично!

При Горбачеве эта «номенклатурная приватизация», уже, не слишком таясь, шла бешено нарастающими темпами. Ну, а в 1990-е годы она уже была совершенно легализована. И превратилась в олигархический шабаш. Иначе говоря, «лихие девяностые» не только не были, как иногда думают, *прямой противоположностью* сталинско-брежневской системы, но были *продолжением* целого ряда специфических частнособственнических тенденций, формировавшихся в лоне государственно-бюрократического правления.

Противостоять этим двум родственным (хотя и обладающим своей существенной спецификой) системам и идеологиям по-настоящему способна лишь идеология Культурного (Демократического) Социализма, основы которой формировались культурной, развитой частью революционных масс в дни Октября и в первые годы после его победы. Демократический, культурный социализм (блистательно обозначенный Марксом, как «реальный гуманизм») – **в этом надежда и спасение, в этом будущее России.**

Теоретическим лидером теорий демократического, гуманного социализма и беспощадным критиком как идей сталинизма, так и идей воинствующего радикального либерализма был в 50-70-е годы Эвальд Васильевич Ильенков.

Эвальд Ильенков – по стопам Маркса

Вообще-то главными вопросами для Ильенкова были вопросы диалектической логики, законы Мышления, проблемы методологии научного знания. Главным для него было научить людей Мыслить.

Но проблемы общественного развития - тематика не посторонняя по отношению к основной и любимой теме Ильенкова.

Вспомним его любимое Спинозовское определение Мышления, как движение мыслящего тела по контуру внешней вещи, внешнего лица. Но, ведь, "мыслящим телом", для Ильенкова, был не просто "индивид", но индивид, сущность которого есть "ансамбль общественных отношений", индивид, формируемый социумом и включенный в его коллективную деятельность, вне которой он просто невозможен. То есть реальным "мыслящим телом" является совокупность определенным образом связанных индивидов, иначе говоря - человеческое общество. Законы Мышления, т.е. законы движения этого "мыслящего тела" и есть одновременно законы общественного движения, общественного развития. И, следовательно, законы Логики, в ильенковском понимании, есть одновременно законы общественного развития, законы социально-исторической деятельности людей. Поэтому, кстати говоря, для Ильенкова и не существовало широко и глубокомысленно обсуждавшейся в советской философии "проблемы" соотношения "диамата" и "истмата". Он не обращал внимания на этот детский лепет, которым были заполнены многие издания того времени.

Что такое "социализм», по Ильенкову? Да, он знал эти знаменитые слова Ленина (1923г.) – о необходимости "коренного пересмотра всей нашей точки зрения на социализм".

Ильенков дает свою версию такого "пересмотра". Правда, он осторожен в выражениях – знает с каким напряженным вниманием следят за каждым его словом философские вертухаи и "доносители". Разумеется, "вертухаи" и

"доносители", сусловские философские инквизиторы оценили взгляды Ильенкова, изложенные в работе "Маркс и западный мир" как немарксистские и антимарксистские. Какую же "крамолу" высказал Ильенков?

"Крамола" состояла в том, что он отказался видеть различие между капитализмом и социализмом в том, что капитализм – общество, базирующееся на "частной собственности", а социализм – на "общественной", "государственной". Ильенков называет "иллюзией" представления, будто чисто формальное превращение материального и духовного богатства, находящегося в собственности частных лиц ("собственников") в "общественную собственность", в "собственность всего общества" уже автоматически снимает и "отчуждение", что в этом "суть коммунизма». Это, пишет Ильенков, "грубое и непродуманное" представление о коммунизме; коммунизм в таком понятии и тем более таком исполнении предстает в виде "безличного организма, противостоящего каждому из составляющих его индивидов и олицетворенного в "государстве"[7]. Такой "коммунизм" не только не преодолевает "отчуждение", – цитирует Ильенков Маркса, – "но доводит его до крайних форм; в этом качестве, он "является лишь обобщением и завершением" отношения частной собственности, "выступает как всеобщая частная собственность"[8]. Формально-юридическое "обобществление собственности, учреждаемое политической революцией, – излагал Ильенков позицию Маркса, – есть всего на всего первый шаг, есть лишь первый этап действительного обобществления"[9]. Останавливаться на нем, увидеть в нем осуществляемый идеал коммунизма – означает гальванизировать национальную антигуманную утопию Платона, означает двинуться по пути к оруэлловскому тоталитаризму.

Подлинный же "коммунизм" связан с превращением уже учрежденной общественной собственности в действительную собственность "человека", т.е., выражаясь языком уже не "раннего", а "зрелого" Маркса, в личную собственность каждого индивида"[10]. И заключительная формула: "встает задача перерастания этой ("общественной" – Г.В.) формы собственности в личную собственность каждого члена общества"[11]. Реальная, личная собственность каждого индивида – вот лозунг-пароль нового общества.

И о другой ипостаси нового строя – политической, культурной – в полемике с Адамом Шаффом. Шафф – можно сказать, один из родоначальников нашего доморощенного, восточноевропейского либерализма, "демократ", "диссидент".

Если в первом случае оппонентами Ильенкова были "грубые", "казарменные" коммунисты, то во-втором – "демократ" и "либерал". В общем – вполне современная интеллектуально-политическая ситуация. И потому разбор полемики Эвальда Васильевича – сегодня вдвойне поучительна. Таких, как Шафф, сегодня у нас – пруд пруди. Совсем недавно в одной из дискуссий мне довелось скрестить, что называется, шпаги, с абсолютным двойником Адама Шаффа – Андроником Миграняном. Он почти слово в слово повторил аргументацию Шаффа.

"Есть железный закон олигархии Р. Михельса", – просвещал меня Мигранян, – суть которого в том, что в конечном итоге решения принимаются узким кругом лиц. Это-де, закон любой организации, и демократия может быть только формой изъявления элит. "Думать, что есть какая-нибудь другая демократия, идеальная, где власть находится в руках народа, – это просто означает впасть в безумную утопию,

абсолютно оторванную от реальной действительности. Народ не в коем случае не является правителем, не правит, а (лишь) выбирает тех, которые правят" (ж. "Мегаполис", окт. 1994.).

Вот и Шафф все доказывает, что демократия, как народоправство, – это утопия. И при новом, "хорошем", строе будет править не "большинство", не "народ", а – меньшинство, элита, и вся задача состоит только в том, чтобы эту элиту "воспитывать", улучшать, совершенствовать ее деловые и моральные качества. И надо сказать, что "перестройщики" наши действо-вали прямо-таки "по Шаффу": меняли "старую", "плохую" элиту (Брежневых, Тихоновых, Соломенцовых) на "молодую" и "хорошую" (Горбачевых, Яковлевых, Янаевых, Лигачевых, Шеварднадзе и т.п.). В итоге, как и предсказывал в полемике с Шаффом Эвальд Васильевич, никаких принципиальных изменений в политическом строе не произошло. Изменилась лишь форма господства бюрократического меньшинства, суть же сохранилась – недемократический и антидемократический режим. Адамы Шаффы (как и наши нынешние его последователи), доказывающие неизбежность правления господства интеллектуальной элиты, - лишь по видимости борцы с казарменным коммунизмом, лишь по видимости "демократы". Они, в силу их исходных позиций, пишет Эвальд Васильевич, легко соскальзывают на рельсы, "апологии тех самых, (бюрократических - Г.В.) явлений..., несмотря на свою искреннюю нелюбовь к ним"[12]. Теоретики, подобные Шаффу, укрепляют правящие бюрократические круги во мнении, что они-то и есть подлинный цвет нации, подлинная "элита" и что "вверенное" им государство есть не общенародное достояние, а их "частная собственность"[13].

Ильенков категорически отказывается видеть в правлении различных элит ("хороших" ли, "плохих" ли) хоть какие-то намеки на демократию. Для него демократия была синонимом самостоятельности народных низов, синонимом народоправства. И в отличие от Шаффа, причины "отчуждения" человека и всевозможных форм его угнетения он видел не в "природе человека", не в "фундаментальных условиях его деятельности", а - в конкретно-исторических общественных формах, базирующихся либо на тотальном казарменно-коммунистическом обобществлении, либо на частнособственническом разделении труда.

Ильенков в 50-70-е был общепризнанным лидером интеллектуального противостояния той тоталитарно-авторитарной системе, которая сложилась в нашей стране в сталинские времена и продолжилась во времена брежневского правления. Но он не был интеллектуалом-одиночкой. Поднималась и набирала силу мощная волна общественного противостояния существовавшему режиму – волна так называемого «шестидесятничества». Назову некоторые из этих «форм противостояния» – дабы у современного читателя сложилось более адекватное представление о характере и масштабах оппозиции авторитарно-бюрократическому режиму.

Это, например, деятельность журнала «Новый мир» (периода редакторства А. Твардовского), вокруг которого в 1960-е гг. группировались демократы той поры – писатели (называю первые приходящие на ум имена: А. Солженицын, В. Войнович, В. Некрасов, Г. Владимов, В. Сёмин ...), философы, литературные критики, публицисты (В. Лакшин, И. Виноградов, Ю. Буртин, И. Дедков, М. Лифшиц, И. Сац, А. Марьямов, М. Хитров), десятки виднейших интеллектуалов и тысячи подписчиков и читателей, разделяющих общую направленность журнала.

Преследуемый властями, кромсаемый партийно-гебистской цензурой, травимый сталинцами и брежневцами из журналов «Октябрь» и «Молодая гвардия» (не стеснявшихся публично называть его «внутренней эмиграцией» и «нравственным подпольем»), он был, пожалуй, главной силой, главным центром демократии того времени. Можно говорить даже о существовании своеобразной «партии Нового Мира». Молодые аспиранты и университетские преподаватели, с большим энтузиазмом шли в эту «партию»: печатались в этом журнале, распространяли и пропагандировали его материалы, вступали в публичные, острые (не-безопасные для них, нередко кончавшиеся суровыми административными и партийными наказаниями) идейные схватки с его гонителями.

Был Институт философии на Волхонке – настоящий остров интеллектуальной свободы тех лет (с Э. Ильенковым, Г. Батищевым, А. Зиновьевым, Э. Соловьевым, Ю. Бородаем, А. Огурцовым, Н. Мотрошиловой). Знаменитые интеллектуальные оазисы в ИМРД и ИМЭМО (с Е. Плимаком, Ю. Карякиным, И. Пантиным, Г. Дилигенским, С. Холодковским). Гефтеровский семинар в Институте истории, знаменитый своими участниками и их глубокими, яркими и вольными речами – пока не всполошился бдительный (и злобный) идеологический отдел Московского горкома партии во главе с презираемым нами всеми В. Ягодкиным, пока не разогнал он этот семинар, не рассыпал подготовленную к выходу в свет книгу дискуссий этого замечательного сообщества, пока не вышвырнули из Института выдающегося, ученого, человека и гражданина Михаила Яковлевича Гефтера, вскоре демонстративно вернувшего партии свой партбилет. А славная когорта «новых народников», «деревенщиков» – литераторов, пишущих на сельские темы (В. Овечкин, Е. Дорош, Б.

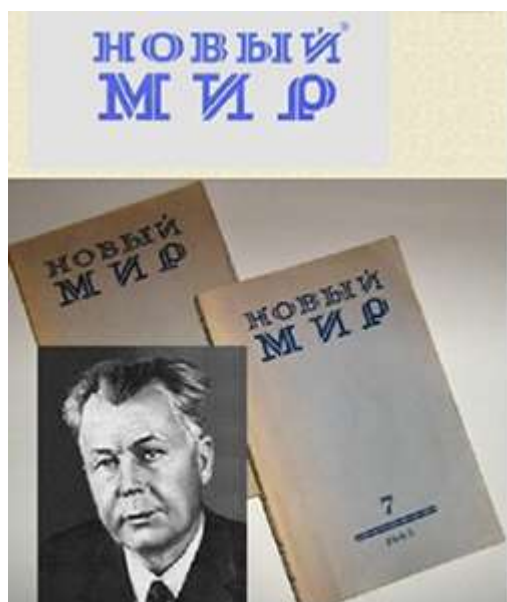
Можаев, В. Шукшин, В. Тендряков, Г. Троепольский)! А Институт социологии (с Ю. Левадой, Л. Карпинским, Б. Грушиным)! А талантливая поэтическая вольница (Д. Самойлов, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, Н. Коржавин, А. Вознесенский). А геройский театральный «редут»: «Современник», «Таганка», БДТ, студенческий театр МГУ! Социалисты-рыночники (Г. Лисичкин, О. Лацис, А. Волков, Т. Заславская). «Бардовская песня» (массовое движение, «возглавляемое» Б. Окуджавой). Песни-стихи В. Высоцкого и миллионы слушающих и рукоплещущих ему людей. Университетские и институтские кафедры, где молодые преподаватели давали сотням и тысячам своих учеников-студентов Уроки творчества, нравственности и свободы. Масса больших и малых студенческих (вообще – молодежных) кружков, примыкавших к той или другой «структуре» демократического движения. Важной частью этого общего демократического потока была деятельность правозащитников, людей кристальной честности и беззаветной смелости.

В общем, это было мощное (пусть жестко организационно не оформленное – и, может быть, в этом была его своеобразная сила) движение Протеста против того образа жизни и образа мышления, которые с помощью всевозможных репрессий навязывались людям существовавшим тогда политическим режимом.

Именно эта волна русского демократического и гуманистического Просвещения нанесла первый мощный удар авторитарно-тоталитарным структурам нашей страны в конце столетия. Говорю – «первый», потому что от одного удара эти структуры не рассыпаются. Уверен, будет еще и «второй», и «третий».

Общепризнанным органом демократического социализма, как я уже отмечал, был возглавляемый Твардовским журнал «Новый мир». Основной его девиз, сформулированный Твардовским, звучал так: **«Ленин должен быть избавлен от тени Сталина».**

Новый мир «Нового мира»

«Новый мир» был не просто органом демократического социализма. Он развивал представление о социализме как, в первую очередь Культурно-Нравственном феномене.

Да, «Новый Мир» выступал за политическую демократию, за гласность, идейный плюрализм, народоправство против диктатуры партийно-государственной

бюрократии. Но не в этом его **уникальная** роль в нашей истории. Он – больше, гораздо больше, чем только «политическая оппозиция».

«Новый Мир» отказывался быть «приводным ремнем» правящей политической верхушки. У «Нового Мира» был другой хозяин – не на Старой площади (этом главном штабе номенклатуры), а – тот, что живет в городах и весях страны, растит хлеб, учит детей в школах, врачует граждан в поликлиниках и больницах, инженерит на заводах, трудится в научных лабораториях..., в общем Хозяином «Нового Мира» были граждане России, совокупность которых и составляло то, что возвышенно именовалось Народом. **«Новый Мир» отказывался быть голосом партийных верхов, он стремился быть голосом Народа.**

Иначе говоря, это было противостояние не просто двух разных политических сил, а более значимое и более масштабное **противостояние** –

Политики и Культуры

Политики и Нравственности

Политики и Гуманизма

Политической «целесообразности» и Дела Правды и Истины

Политического двоедушия, двуморальности и Предельной открытости и искренности

Партийно-политического, скрепленного «историческими решениями» Съездов, «единства» и Интеллектуального, идейного плюрализма.

И еще. Это было **ПРОТИВОСТОЯНИЕ – Политического карьеризма и трусости и Высочайшего человеческого достоинства и безоглядной смелости.**

Эти-то, развалившиеся в высоких цековских креслах, постоянно требовали пропаганды «исторических решений» их партийных съездов. Они постоянно «учили» творческую интеллигенцию: давайте в своих произведениях жизнь «в революционном развитии», дайте нам «положительного героя», равняйтесь, например, на «Кавалера золотой звезды» Бабаевского, шире, ярче показывайте «руководящую роль партийных организаций». В общем рассматривали художественную культуру как один из партийных отделов (вроде как оргпартотдел, «строительный», сельхозотдел – «даешь больше картофеля и овощей!»...). И многие (даже маститые, даже когда-то создавшие талантливые художественные вещи – вроде Тихонова, Федина, Фадеева) – сгибались и прогибались – уж очень сильным бывало давление политических верхов, уж очень грозные окрики

летели из «высоких» кабинетов; да и жалко было расставаться с теми благами, которые щедро даровались послушным «приводным ремням».

А вот кредо Твардовского: Не могу передоверить даже Льву Толстому – сказать, что я хочу, и так, как я хочу[14]. Вы понимаете силу этого прямостояния Александра Трифоновича? Он даже Льву Толстому не «передоверит», а уж о таких мелких сошках, как генсеки, разные там секретари ЦК, заведующие отделами культуры и т.п. – и говорить нечего...

«Новый Мир» отстаивал и демонстрировал ту важную истину, что Культура – явление не менее, если не более, значимое для судеб страны, чем Политика. Главные герои «Нового Мира» – это, что называется, «люди из народа», это Василий Теркин Твардовского, это Иван Денисович и Матрена Солженицына, это герои Владимова, Семина, Тендрякова, Троепольского, Дороша, Виктора Некрасова, Дудинцева.

«Новый Мир» отстаивал, сколько было в его силах, новый тип отношения Культуры и Политики. Политика хотела быть ВСЕМ, подчинить себе ВСЁ. «Новый Мир» отвергал эти претензии Политики. Об этом – в статьях замечательных публицистов «Нового Мира» – Лакшина, Буртина, Виноградова, Мих. Лифшица, Плимака, Лебедева...

Это – и завет нынешней интеллигенции: ну, не спешите записываться в «доверенные лица» (в «приводные ремни») того или другого политика (даже вполне приличного, о неприличном – и говорить нечего). «Не царское это дело», не дело русского интеллигента, деятеля Культуры, обслуживать амбиции политиков. Ведите себя, мастера культуры, так, чтобы политики стремились стать **Вашими** «доверенными лицами». У вас свой,

высокий, тип деятельности, у вас **свое**, высокое, предназначение.

Чтобы более глубоко и более содержательно выявить специфику новомировского мировоззрения, следует сопоставить его не только с официальной партийно-бюрократической идеологией. В таком сопоставлении высвечивается только одна из граней новомировского мировоззрения. Другая, не менее, а, может быть, даже более важная его грань предстанет перед нами в ходе сопоставления позиций Александра Трифоновича Твардовского и его знаменитого оппонента – Александра Исаевича Солженицына.

Исходная диспозиция: Твардовский и Солженицын – два великих гражданина России, два высоких образца противостояния общественной системе той поры, два образца гражданского мужества, негибкости и бесстрашия – и всё это огранено их высочайшим художественным талантом. В.Я. Лакшин: ««Новому миру» было на чем сойтись с Солженицыным. Нам тоже не нравился казенно-бюрократический социализм,... мы приходили в содрогание от ужасов сталинского лагеря и протестовали, где могли, против изощренных форм общественного лицемерия», «для нас неоспоримы были демократические права личности»[15].

И при этом – очень серьезные расхождения.

Солженицын: «Мы подобны были двум математическим кривым со своими особыми уравнениями. В каких-то точках они могут сблизиться, сойтись... – но их исконная первообразность неминуемо и скоро разведет их по разным путям»[16].

Из этого узла расхождений возьму только одну, но чрезвычайно важную, нить: понимание (а точнее –

непонимание) Солженицыным сути их расхождений, смысла мировоззренческой позиции Твардовского. По моему убеждению, реконструкция, точное описание основной новомирской позиции – *позиции демократического, гуманного, нравственного социализма в его противостоянии с брежневско-сталинским лжесоциализмом* – имеет громадное значение для понимания всей картины идейных и политических сражений в российском обществе второй половины XX столетия и его дальнейшей эволюции.

Вот эта **солженицынская** оценка: Твардовский – часть той партийно-бюрократической, идеологической системы, что сложилась в стране. Может быть – лучшая часть, но – часть. (Твардовский: «Для него мы, т.е. «Новый Мир» и я – одно из звеньев враждебной ему системы»[17]). Вся эта система (включая и лучшие, и худшие ее части) держится, по утверждению Солженицына, на четырех главных китах: Маркс, Ленин, Октябрьская революция, социализм. И стремясь быть жестко и до конца последовательным, он объединяет Твардовского и его злейших противников – Софронова из «Огонька», Кочетова из «Октября» и руководителей постоянно травившей Твардовского «Литературной России». Их споры с «Новым Миром» кажутся ему не слишком серьезными – некими «внутрисемейными ссорами». А в принципе – это одного поля ягоды. (Поэтому, кстати, Солженицын не испытывал никаких нравственных мучений, передавая свои вещи в эти, противостоящие «Новому Миру», издания: для него большой разницы между ними не было). Солженицын полагает, что есть всего две основные позиции: социалистическая (это где Суслов, Демичев, Кочетов и ... Твардовский), и есть позиция антисоциалистическая (это он, Солженицын). Третьего не дано! А вот оно-то как раз и было «дано». И это – особая позиция Твардовского, равно

далекая, как от сусловско-кочетовского «социализма», так и от солженицынского антисоциализма.

Да, позиция Твардовского, действительно, базируется на тех «китах», которые обозначил Солженицын. Но...

Но у Твардовского совсем другой Маркс (нежели у Суслова с Кочетовым) и совсем другой Ленин (не сталинизированный, непогрешимый и обожествленный Ленин из «Краткого курса», а Ленин – образец научного развивающегося знания, Ленин ищущий, делающий ошибки и исправляющий их, Ленин начала 20-х годов, создающий новую, опирающуюся на НЭП, стратегию развития страны, Ленин, призывающий «пересмотреть всю нашу точку зрения на социализм»). У Твардовского, действительно, – «ленинизм», но его особенность: это – антисталинский ленинизм. У него – «социализм», но это – антисталинский социализм, т.е. «социализм» нравственный, демократический, «с человеческим лицом», или, как любил говорить Александр Трифонович, «социализм со свободой». И «его» социализм коренным образом отличался от «реального», сталинско-брежневского, «социализма». Явись сегодня Маркс с Лениным пред очи нынешней власти, неоднократно замечал Твардовский, – их встретили бы так, как встретил у Достоевского Великий инквизитор Христа. «Клянутся Лениным иные, Имея Сталина в виду»[18]. «Ленин должен быть избавлен от тени Сталина, – не перестает повторять Александр Трифонович, – быть с Лениным означает полностью покончить с противоестественным сближением этих фигур»[19]. «Социализм» же, ныне построенный, «вообще не такой социализм, каким он должен быть»[20]. «Словно жить осталось тело, а души у тела нет»[21]. Иначе говоря, мировоззрение Твардовского прямо противоположно мировоззрению партийно-бюрократических верхов. И, в

отличие, от не слишком проницательного (в данном случае) Солженицына, главные бюрократы и властные идеологи страны хорошо это понимали, видя в Твардовском (и его журнале) антагониста и великую – для себя – опасность. И потому травили и давили журнал сверх всякой меры.

Так что, можно было бы сказать Александру Исаевичу, не двухполюсное противостояние тут было («социализм – антисоциализм»), а трехполюсное: сталинский «социализм» (лжесоциализм), антисталинский, демократический социализм «Нового мира» и его единомышленников, «шестидесятников» и антисоциализм (это – Вы, Александр Исаевич, и масса «либералов», которые захватят властные рычаги в 90-е годы и с которыми, слава богу, Вы не захотите дружить; но они-то Ваш антисоциализм с удовольствием возьмут на вооружение и будут детишек в школах мучить его изучением).

Растущая радикализация мировоззрения Твардовского и усиление его противостояния партийно-государственной системе в конце 60-х годов. Радикализация эта связана с усилением сталинизации режима и с попытками власти «реабилитировать» Сталина к 50-летию Октяб-ря. Но главным, переломным событием, обусловившим фактический разрыв Твардовского с официальной идеологией и политикой (и больше – со всей политической системой), было введение танковой армии в Прагу для подавления чехословацкого «социализма с человеческим лицом», социализма, сторонником которого был Александр Трифонович и на который он возлагал надежды. И вот крах и этих надежд. Слушал радио (август 68-го), запишет он в Дневнике, и... «плакал»[22]. И дальше «Страшная десятидневка.

Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом"

Твардовский отказывается от когда-то данной присяги этому режиму – он теперь фронтально и неколебимо *противостоит* ему!

«Сейчас в год кризиса – **конец всем иллюзиям...** ««Социалистический» (заметьте: в кавычках! – Г.В.) принцип вяжет по рукам и ногам всех»[23]. И о чиновниках: «вурдалаки», «худшие враги общества»; «руксостав – это люди, ничего не умеющие, ни на что не пригодные, кроме руководства – сверху донизу, у них ни специальности, ни образования, ни навыков работы, ни привычки читать, не то что писать»[24]. В общем – «мир несвободы»[25]. Соглашается с Джиласом: да, бюрократия – не какие-то там «слуги народа», а господствующий «новый класс». И всё время теперь – параллели с Дубчеком. 18 апреля 69 года (после снятия Дубчека и исключения его из партии): «Вот и Дубчек (раздавлен – Г.В.). Очередь за мной», «его час – мой час»[26]. Ощущение антагонизма с правящим «новым классом» резко обостряется: «Возможно, что меня, как Дубчека, желали бы судить, прорабатывать, но не с руки только – скандалезно...»[27].

Нравственность, гуманизм, правда и милосердие – вот основные черты личности Александра Трифоновича и его общественной позиции. И вот эта-то позиция совершенно не вписывалась в тот мир лицемерия, жестокосердия, пренебрежительного отношения правящего номенклатурного сословия к жизням и судьбам простых, «добрых» (как любил говорить Твардовский) людей. И Твардовский неуклонно, последовательно, семимильными

шагами шел к пониманию того, что к новому, гуманистическому миру можно придти только сломав государственно-бюрократическую систему, только путем коренных (а не «косметических») социально-политических преобразований.

Это мировоззренческое кредо НМ – после разгрома журнала и смерти его главного редактора (1970г.) – активно разрабатывалось новомирскими соратниками А.Т. (и подтягивавшимся к ним молодым поколением публицистов и теоретиков). В 70-80-е годы новомирская линия «демократического социализма» («шестидесятников») получила развитие – уже на серьезном *теоретическом* уровне – в работах таких авторов, как Ю.Буртин, В.Лакшин, М.Гефтер, Г.Водолазов, Л.Карпинский, И.Дедков, А.Лебедев, О.Лацис, Рой Медведев, В.Хорос... Развиваемые ими идеи готовили общественное сознание граждан к пониманию необходимости *коренных* («революционных», по своим масштабам) реформ бюрократической системы существовавшего лжесоциализма.

В первые годы «перестройки» их идеи зазвучали с особенной силой, подталкивая горбачевское руководство к решительной, фундаментальной демократизации общественного строя, к тому, чтобы словесно провозглашавшиеся правящим классом социалистические лозунги стали реальностью. Достаточно вспомнить такой, можно сказать, Манифест перестроечных, демократических сил, как сборник «Иного не дано» (1988 г.), в котором хотя было и немало авторов либерального толка, но и голоса демократических социалистов звучали весомо и не терялись в общем демократическом хоре (статьи Заславской, Бутенко, Дзарасова, Буртина, Гефтера, Водолазова, Карпинского).

Но события — под напором гораздо более сплоченного, обладающего мощными административными рычагами бюрократического класса и его союзников из «либерального» и «экономикотеневого» лагеря — пошли иным путем: в сторону *от* социализма и *от* демократии. И первыми, кто развеял иллюзии перестроечно-реформаторского процесса, были именно демосоциалисты — наследники новомирской традиции. Они постоянно, из статьи в статью, из книги в книгу, разъясняли людям, что «перестройка» и «реформы», осуществляемые на горбачевский и ельцинский манер, никакой демократии, никакого гуманизма не дали России и дать в принципе не могут. Ибо «реформами» этими заправляли силы той самой номенклатуры, которая господствовала в прежней, доперестроечной, России. И которая, уже при «Советской власти» объективно стала антисоциалистической и антидемократической силой. Теперь же, под звон «перестроечных» лозунгов, она с невероятной поспешностью отказывалась от враждебной и надоевшей ей социалистической словесности и с удовольствием сбрасывала с себя социалистические одежды, перепрыгивая из райкомов, обкомов, отделов ЦК, КГБ и МВД в бизнес-структуры и в располагающие к безбрежной коррупции места в новом государственном аппарате. Ее командные высоты в прежней, партийно-бюрократической, системе обеспечивали ей безграничные возможности в деле приватизации («прихватизации») прежней «государственной» собственности, в деле перекачки прежнего государственного богатства в свой «частный» карман.

Диктатура бюрократии никуда не исчезла. Она, как остроумно заметил Ю.Буртин, просто «повернулась на другой бок», освоив новые рычаги и формы своего

господства. И потому власть как была «чужой» для народа в сталинско-брежневское время, так и осталась «чужой» в новые времена.

С 90-х годов начался новый тур противостояния «демсоциализма» уже новостарой, перевернувшейся на другой бок, но сохранившей свою либеральную суть, системе. Демократический социализм – по-прежнему утесняемая идеология. Ее пытается оттеснить на обочину общественной жизни и новая, псевдодемократическая (и антисоциалистическая) власть и сталинистские лжесоциалисты из (будто бы «оппозиционной») КПРФ. В общем, снова, как и прежде, теснимые, и снова, как и прежде, непокоренные. Так своеобразным Манифестом современного «демократического, гуманного социализма» стала книга четырнадцати авторов (между прочим, докторов наук, профессоров) – «Социализм – XXI» (2009 г.). Где, наряду с «ветеранами» демократическо-социалистической мысли (В.Межуевым, С.Дзарасовым, Г.Водолазовым, Г.Багатурией, Б.Славиным, М. Воейковым) выступили представители более молодого поколения (А.Бузгалин, В.Арсланов, В.Миронов, А.Колганов, Л. Булавка...). Демократическо-социалистическая линия продолжается... Она по-прежнему выступает как народная альтернатива социальному неравенству и политической несвободе.

Социализм против «социализма» (Размышления над текстами сборника «Социализм 21»)

Точка обзора.

На первый, поверхностный, взгляд, может показаться, что книга эта посвящена истории теории и практики социализма, описанию особенностей социалистического строя, его возможных перспектив в 21 веке, выяснению исторической значимости марксистской теории, что это -

книга для довольно узкого и специфического круга читателей: например, для «научных работников», занимающихся проблематикой социализма, для «преподавателей», читающих курсы по истории политических учений, для «студентов», сдающих экзамены по этим курсам. И поэтому не исключено, что широкий, массовый читатель, скользнув взглядом по заголовку и оглавлению книги, по аннотации к ней, *отложит* ее в сторону – пусть специалисты читают, пусть ученые рассматривают ее идеи на своих симпозиумах и круглых столах, пусть зубрят ее студенты, разнося наиболее важные ее мысли по своим экзаменационным шпаргалкам. Отложит – и очень ошибется. Ибо она – не для «специалистов» (или, вернее, не только и не столько «для специалистов») и не для абстрактно-теоретических разговоров за «круглыми столами». Вообще она не о том, она – существенно о другом. О том, что не может не волновать современного человека, современного россиянина. Это вообще не «профессорская» книга (хотя все авторы – профессора, и достаточно известные в научном мире). Это книга – граждан, озабоченных изломами современного российского бытия, граждан, дающих оценку этому бытию, старающихся понять его глубинную суть, его противоречия и возможные перспективы. Авторы изначально исходят из вопросов: где, на каком историческом рубеже, в какой ситуации, в каких социально-политических условиях находится наша страна. И, дав этой ситуации (немного забежим вперед!) сугубо негативную оценку, они предлагают пути ее преодоления, пути избежания надвигающейся (по их убеждению) социальной катастрофы.

Да, это принципиально разные вещи: «профессорский» (абстрактно-теоретический) анализ социального бытия и взгляд на ситуацию глазами активного, не равнодушного к

судьбе своего общества гражданина. Для авторов книги близка позиция их, не так давно ушедшего, единомышленника – блистательного мыслителя, публициста, просветителя Игоря Дедкова: «Беремся рассуждать об исторических событиях, великих, величественных, говорим уверенно, громко, прямо грохочем, - пишет он о широко распространенном в современных интеллигентских кругах способах социального анализа, – и вдруг представится, как внутри события сидят съезжившиеся от нашего грохота люди и пытаются что-то сказать... А их для нас как бы нет – нам достаточно абстракций, с абстракциями много проще»[28]. «Пусть историки, – продолжает он, имея в виду «официальных», «державных», прикармливаемых властями историков, – взвешивают и перевешивают на своих весах факты, деяния и репутации значительных лиц». Человек же, стоящий на «точке обзора», предлагаемой Дедковым, «упрямо начинает с другого конца: с судьбы безвестного человека»[29]. Да, это – принципиально иной взгляд на Историю: смотреть на события глазами не «элиты» (чиновно-державной или салонно-морализаторской), не глазами высоколобого, пробавляющегося утрачивающими всякое жизненное содержание абстракциями, «интеллектуала», не глазами «известного», прыгающего с одного телеканала на другой, балабола, а глазами человека **безвестного**, рядового гражданина.

Только оттуда, только с этой точки обзора и возможно осуществить то, что Дедков называет «Человеческий суд эпохе».

На такой исходной позиции стоят и авторы разбираемой нами книги. Точка зрения «эксплуатируемого социального слоя» (**Колганов**) – вот на выражение чего претендуют авторы сборника. Стратегию и общее направление

деятельности этой широкой социальной общности можно обозначить как **«социализм гражданского общества»** (Бузгалин, Колганов).

Гражданское общество – вот, по сути, другое, современное, название «совокупного работника», противостоящего сегодня и бюрократически-авторитарной политической системе, и криминально-монополистическому капиталу.

Оценить. Понять. Преодолеть.

Это – ступени, по которым движется анализ авторов. Исходным пунктом их размышлений, их теоретических поисков, их наблюдений с той «точки обзора», которую мы охарактеризовали выше, - является **ОЦЕНКА современной социальной, политической и культурной ситуации в России.**

Оценка. Общее авторское восприятие, общая оценка авторами этой ситуации – мы на пороге Большой Беды. И авторы книги ясно, громко, во весь, что называется, голос возвещают об этом своим согражданам, стремясь перекрыть заунывно-успокоительные голоса официальных (подкармливаемых властью) политологов, без конца повторяющих сентенцию ночных сторожей предреволюционной (18 века) Франции: «Всё спокойно! Спите, парижане!».

Нет, граждане России, не спите! Просыпайтесь! Тревога!!

Ощущение приближающейся Большой Беды авторы отнюдь не связывают *только* с современным кризисом (хотя молнии кризиса и высветили всю шаткость возведенного в последние десятилетия социального здания). Сигналы «тревоги» они подавали задолго до кризиса – и когда только-только начиналась разрекламированная кремлевской политологией «эпоха реформ 90-х», и в начале 21 столетия,

в годы «стабилизирующей» (будто бы) общественную жизнь «стратегии вертикали», и в последующие затем относительно благополучное время (когда – по причинам необычайно высоких цен на экспортируемые газ и нефть – начало многим казаться, что всё идет неплохо и по нарастающей: к 2010 году удвоится ВВП, а к 2020 – вообще будет нечто невообразимое, похожее, впрочем, на известное обещание коммунизма к 1980 году) и когда особенно завораживающе, по нарастающей, звучали бодрые голоса кремлевских политологов: «Спите, парижане!».

«Мы еще накануне этих (ельцинско-гайдаровско-чубайсовских – Рец.) «реформ», - свидетельствует **Бузгалин**, - показали, как и почему «шоковая терапия» будет откатом назад, вызовет к жизни «негативную конвергенцию»: соединение худших черт старой (сталинско-брежневской – Рец.) системы (бюрократизма, волюнтаризма, диспропорциональной структуры экономики) и капитализма (социальное неравенство, криминализация общественной жизни, деградация «человеческих качеств» и т.п.), что будет сопряжено с социально-экономическим спадом, институциональным хаосом и нарастанием теневой экономики, возрождением добуржуазных форм личной зависимости и насилия при феодально-монополистической концентрации капитала и, как закономерное следствие, **угроза восстановления авторитаризма...** Критическое отношение к сложившемуся на постсоветском пространстве типу «реформ» как исторически регрессивному, ведущему к снижению экономической и социальной эффективности по сравнению с и без того кризисной и малоэффективной советской системой, – это еще один важный пункт, характеризующий позицию авторов...»[30].

Отметим, что, ударяя в «герценовские Колокола», авторы никогда не сводили свою критику к критике персоналий. Это только поверхностно-либеральному кретину свойственно истерично кричать (принимая свою истерику за немислимую смелость): «Смените немедленно этого! И поставьте того (желательно – нашего). И всё будет окей!». Авторы сборника далеки от подобной персонификации Беды. Они знают, что смена **лиц** на высших ступенях власти ничего не даст. Беда не в лицах, беда – в самой системе политических, культурных и экономических отношений. «Я не буду всерьез рассматривать ответы политиков, – пишет, например, **Андрей Колганов**, – вроде утверждений: «СССР развалил Горбачев», или «иностранные спецслужбы и агенты влияния», или «Борис Ельцин», или «демократическая оппозиция». Конечно, все перечисленные выше внесли тот или иной вклад в свершившееся. Но чтобы **они** уничтожили Советский Союз и советскую систему в целом? Историческое деяние такого масштаба не по силам одному человеку, или даже мощной организации... СССР был не просто страной. Это было историческое явление, возникновение и гибель которого определили лицо XX века. И *уничтожить его могли лишь исторические процессы такого же масштаба*»)[31].

Борис Славин: В России «реставрированный в 90-е годы капитализм приобрел *<i>=</i>*. Вместе с тем, чем глубже в плоть российской действительности входят буржуазные отношения с их атрибутами поклонения «золотому тельцу», общественного неравенства, непрекращающихся национальных и социальных конфликтов, безработицы и низкопробной массовой культуры, тем больше людей ищут *действительную альтернативу*»[32]. *[Что должно быть вместо выделенного рыжим? – Комментарий В.Архангельского.]*

Олег Смолин приводит ошеломляюще печальные цифры международных исследований, отражающие место России в современном мире. Так, к примеру, по «уровню жизни» наша страна – в конце первой сотни, по продолжительности жизни наши мужчины – на 136-м, а женщины – на 91-м месте в мире, по «качеству жизни» - во второй сотне, по «экономической свободе – 120-е место, по т.н. «индексу счастья» (т.е. по удовлетворенности человека жизнью) – 167-е, по свободе информации – 147-е и т.д, и т.д.[33]

Понять! И преодолеть! А что – вместо?

Главное: в основе Нового общества, идущего на смену капитализму, пишет **Вадим Межуев** лежат два базисных принципа: **общественная собственность и свободное время.**

Только не следует думать, что речь здесь идет о той «общественной собственности», что была осуществлена в Советском Союзе и с которой связывалось представление о построении «социализма» («реального социализма») в СССР. *Форма собственности, осуществленная в Советском Союзе, с настоящей, с подлинно «общественной» собственностью не имела ничего общего.*

Подлинно общественной можно, по утверждению Межуева, считать только такую собственность, когда **КАЖДЫЙ** (а не «группа товарищей») владеет, распоряжается и управляет **ВСЕМ**. И только в этом случае можно говорить, что **ВСЕ** владеют **ВСЕМ**. Владеют реально, а не на бумаге – то есть когда **ВСЕМ** владеет **КАЖДЫЙ** из этих «всех».

Каждый – всем! Вот, повторим, формула общественной собственности. Но что это реально означает? Как это можно представить и понять? Как это *каждый* (из ста рабочих) может владеть *всей* фабрикой? Каждый будет управлять ею, исходя из своих интересов? Будет сто разных программ?

Сотня владельцев, «целиком» владеющих одним и тем же объектом? Да они так передерутся между собой, что гоббсовская «война всех против всех» покажется детской забавой. Ну, просто чепуха какая-то!

Да, чепуха получится, если речь пойдет о собственности на материальные средства труда, материальные продукты и предметы – здесь общественная собственность просто *невозможна*.

Она становится возможной (а приведенный выше тезис перестает быть чепухой), если экономика и производство достигнут того уровня, когда главной и всеобщей производительной силой станет **НАУКА**. Когда производство станет **НАУЧНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ**.

Общественная собственность и есть, прежде всего, собственность на *эту*, ставшую главной, производительную силу – **НАУКУ**. Науку (в отличие от материальных средств производства) нельзя приватизировать. «Можно приватизировать, например, электростанцию», поясняет Межуев, «но нельзя приватизировать теорию электричества». По этой причине Наука, по сути своей, и является «всеобщим достоянием», она «по природе своей принадлежит *каждому*». Каждый может брать из нее «по потребности».

Иначе говоря, только достигнув высочайшей экономической зрелости, высочайшего развития производства (которое, как мы отметили, становится *научным* производством) – только тогда возможно становление общественной собственности, только тогда можно всерьез говорить о становлении Нового общества[34].

И – **Свободное время**. Это, наряду с общественной собственностью, базовая ценность Нового общества. «Свободное время» превращается «в меру общественного

богатства (в том смысле, что чем его больше в обществе, тем оно богаче»). А это, в свою очередь, «означает, что *таким богатством становится сам человек*». Ибо в свободное время человек производит не просто вещи или идеи, но через них (а то и помимо них) – *самого себя*, во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми. Новому содержанию тесновато в традиционной терминологии. Поэтому не только Межуев, но и другие авторы книги ищут термины, которые были бы более адекватны новым теоретическим построениям, которые совмещали бы в себе и новизну сути, и продолжение прежних терминологических форм. Межуев называет это Новое общество, то «социализмом» («коммунизмом»), то *Пространством Культуры*. Он так прямо и формулирует: *Социализм – это Пространство Культуры*. Бузгалин предпочитает говорить о социализме (коммунизме) как о *Царстве свободы*.

Близка к ним (с рядом дополнительных нюансов) и позиция **Водолазова**. «В порядке размышления» он пишет, что, может быть, сегодня есть смысл более осторожно пользоваться термином «социализм» при характеристике нашей стратегии деятельности?

«Во-первых, уж очень он стал каким-то расплывчатым, обозначающим очень разные взгляды на социальную реальность и пути ее преобразования. Да, в середине XIX – начале XX века, если человек называл себя социалистом, всем было ясно, чего он хочет, к чему стремится. Это означало, что вы – противник мира капитала, друг трудящихся, сторонник общественной собственности и социального равенства. Если же *сегодня* вы называете себя «социалистом», то никому не будет понятно, *кто* вы: то ли подобно членам французской социалистической партии стремитесь усовершенствовать современный мир капитала,

то ли подобно лидерам КПРФ тоскуете по «стабильным» и «светлым» сталинским временам, то ли вы разделяете устремления современной социал-демократии (этих «тоже-социалистов»); а, может, вам близки установки Фиделя Кастро или Уго Чавеса; а вдруг вы – страстный поклонник идей «великого кормчего» Мао или чуть менее великого, но тоже знаменитого и «глубокоуважаемого вождя» Ким Ир Сена (и его теории чучхе), а то, глядишь, и – лидера «красных кхмеров» Пол Пота. В общем, термином «социализм» вы не проясняете, а запутываете дело.

И во-вторых. И это обстоятельство даже более важно, чем первое. Термин «социализм» относится к той эпохе, когда на первом плане стояла задача преодоления *капитализма*. В XX – начале XXI века появилась принципиально новая задача – преодоление системы «бюрократического (казарменного) социализма», а затем и выросшей из него системы «бюрократического (номенклатурного) капитализма». Да, и та, и другая задачи, конечно, родственны. Они включают в себя примерно одинаковые ценности и цели. Но движущие силы антибюрократической борьбы, способы преодоления «бюрократического социализма» существенно отличаются от той борьбы, которая проходила и происходит в современном капиталистическом мире.

Борьба за «антикапиталистический» социализм не может не отличаться (и весьма существенно!) от борьбы за «антибюрократический» социализм. При всей родственности это всё же разные стратегии: для западного мира наиболее существенно движение от частной формы капиталистической собственности к доминированию собственности общественной, для России (эпохи «реального социализма») приоритетны задачи политической и экономической демократизации, позволяющие формально

общественную собственность сделать реально общественной. И еще более специфичны будут формы преодоления нынешнего российского «номенклатурного капитализма» — они не могут не отличаться и от форм «антикапиталистической», и от форм «антибюрократической» борьбы...

Что же предложить вместо? Какой термин в большей степени служил бы самоидентификации современных борцов против капиталистического и номенклатурно-бюрократического миров?

Я предложил бы: **«РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ»**.

В нем, во-первых, фиксируется главная цель и главная ценность нового общества — ЧЕЛОВЕК. Этот термин указывает, что при строительстве нового общества речь идет в первую очередь не о росте материального богатства общества, и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то, и другое, безусловно, важно), а об ОЧЕЛОВЕЧИВАНИИ деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека — от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, речь идет о превращении *каждого* человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего *субъекта* истории, о превращении «хомо экономикус» (т.е. «экономического человека») в «человека творческого», перестающего быть придатком машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных режимах); речь идет о знаменитом — со времен Маркса — «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении *каждого* индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в *универсально* и *всесторонне* развитого Человека.

В этом термине, кроме того, заложена идея, созвучная нашему времени и современным возможностям, – а именно, что *все* формы человеческой деятельности и борьбы должны быть подчинены в первую очередь *моральным* требованиям. Нравственность должна доминировать над экономикой, политикой и правом. Образно говоря, речь идет о превращении экономическо-капиталистического и административно-бюрократического обществ в подлинно **ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ** сообщество. Нравственность, справедливость, гуманизм – вот главные движущие мотивы развития нового, грядущего общества. Добавим, что речь идет не просто об абстрактно-гуманистических настроениях и стремлениях, но о гуманизме, в полной мере учитывающем степень зрелости общества, масштабы потенциала сил, приступающих к его преобразованию, культурные традиции данного общества, его экономические, политические и правовые черты. Речь, стало быть, идет не о гуманизме благих пожеланий, но о гуманизме, замешанном на строгой социальной теории. Не о гуманизме бесплодных мечтаний, а о гуманизме выполнимом и абсолютно реалистическом. То есть о *реальном* гуманизме.

Мне этот термин нравится еще и потому, что он рожден в марксовой плавильной теоретической печи. Правда, употребил его немецкий мыслитель, по сути, лишь однажды, и хотя в очень серьезном, можно даже сказать, в программном контексте, но он, судя по всему, не придавал ему строгого категориального значения. У него этот образ носит скорее образный, нежели строго научный, категориальный смысл. Мы полагаем, что сегодня у нас есть все основания перевести это марксово выражение из разряда «образов» в разряд строгих научных категорий.

А заимствование марксового термина, «перевод» его из второстепенных во всеопределяющий лишний раз

продемонстрирует наше уважение к предшественникам и стремление подниматься на новый уровень теории, опираясь на предшествующий»[35].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркс К. и Энгельс Ф. Письмо В.И. Засулич. Сочинения. Т.19.
- Marx K. I Engels F. Pismo V.I. Zasulich. Sochinenia. T. 19.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Соч. Т. 4.
- Marx K. I Engels F. Manifest Kommunisticheskoi partii. Sochinenia. T.4.
- Ленин В.И. О кооперации. ПСС. Т. 45.
- Lenin V.I. O Kooperazii. PSS. T. 45.
- Ленин В.И. ПСС. ТТ. 17, 23, 33.
- Lenin V.I. PSS. TT. 17, 23, 33.
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
- Ilenkov E.V. Filosofia I kultura. M., 1991.
- Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 2 . М., 2009.
- Tvardovskii A. Novomirskii dnevnik. V 2 t. T. 2. M., 2009.
- Социализм 21. М., 2009.
- Sozialism 21. M., 2009.

Сноски

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Письмо В.И. Засулич. Сочинения. Т.19. С. 250.
2. Ленин В.И. О кооперации. ПСС. Т. 45. С. 376.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 438.
4. Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 127.
5. Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 101.
6. Ленин В.И. ПСС. Т. 23. С. 127.
7. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 163.
8. Там же с. 161.
9. Там же с. 162-163.

10. Там же с. 166.
11. Там же с. 167.
12. Там же с. 197.
13. Там же, с. 196.
14. *"Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог...
А я лишь смертный. За своё в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу"*
(Твардовский А. Стихи разных лет. М., 2009. С. 427).
15. Лакшин В. Солженицын и колесо истории // М., 2008. С. 171.
16. .Солженицын А. Бодался телёнок с дубом // М., 1996. С. 49.
17. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 147.
18. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 147.
19. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 246.
20. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 166.
21. Лакшин В. Литературно-критические статьи // М., 2004. С. 615.
22. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 220.
23. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 273.
24. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 274.

25. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 343.
26. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 317, 567.
27. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т.2 // М., 2009. С. 439.
28. Дедков И. Обновленное зрение. М, 1988, с.294.
29. Там же, с. 303.
30. Социализм 21. М., 2009. С. 404.
31. Там же. С. 333.
32. Там же. С. 83.
33. См. Там же. С. 710-714
34. См. Межуев В.М. Социализм – пространство культуры. Социализм 21. М., 2009. С. 113-164.
35. Социализм 21. С. 612-614.

г. Москва октябрь 2018 г.